

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Майкл Маршалл

Мы здесь

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М30

Michael Marshall

WE ARE HERE

© Michael Marshall Smith 2013.
First published by Victor Gollancz Ltd, London

Перевод с английского *Александра Шабрина*

Оформление серии *А. Саукова*

Маршалл, Майкл.

М30 Мы здесь / Майкл Маршалл ; [пер. с англ. А. Шабрина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (DETECTED. Тайна, покори́вшая мир).

ISBN 978-5-699-89350-8

У каждого человека есть мечты о том, каким он хочет быть в будущем, и сожаления о том, кем ему уже никогда не стать. Но что случается с этими воображаемыми людьми, когда о них забывают? На самом деле они отделяются от своих создателей и живут рядом — незримо бродят с нами по одним улицам, скитаются в поисках покинувших их друзей. И когда ваши брошенные мечты наконец найдут вас, не надейтесь, что воссоединение будет мирным...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-89350-8

© Шабрин А. С., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Памяти Ральфа Вичинанцы —
соратника, наставника, друга.*

Благодарности

Благодарю Джона Вуда, Малколма Эдвардса и Криса Шеллинга за советы и рекомендации; Лайзу Милтон и Сьюзен Лэмб — за поддержку, а с ними Джека Томаса, Мидаса и Джемиму Форрестер. Отца и сестру, Стивена Джонса и Патрика Госса благодарю за надежную опору; Ким Капп — за то, что на время написания этой книги предоставила мне жилье, где вместе с ней, а также в компании Карен Хоувкэмп и Лайзы Дженсон я чувствовал себя как дома; ну и, как всегда, спасибо Пауле и Нейт. Более же всего я, пожалуй, признателен дяде Ральфу за то, что при его участии я оказался там, где нахожусь теперь — и, надеюсь, пребуду до тех пор, пока не отправлюсь в ту неведомую даль, куда отправился он.

В царстве эмоций реальность
неотличима от воображаемого.

Андре Жид

Пролог

Он ехал. Временами он останавливался заправить бак бензином, отлить или купить жидковатого кофе из кофейных автоматов. Для остановки он выбирал безлюд-ные, продуваемые ветром бензоколонки, где редкие про-езжие вылезают лишь затем, чтобы минуточку-другую, пока длится заправка, постоять, рассеянно глядя себе на руку, сжимающую кусачий от холода заправочный пистолет, в мыслях стремясь поскорей нырнуть в тепло маши-ны, — а потом в путь, скорее в путь туда, куда им надо. Причем все это без единой оглядки и уж тем более мыс-ли о том, кто сейчас стоит рядом и делает примерно то же самое. Да они бы и не увидели никого, кроме каког-то молодого мужчины в мешковатом пальто, который усаживается в просторное авто и вырливает обратно на автостраду.

Временами шел дождь. Порой дождь со снегом. Ино-гда один лишь ветер дул над неохватным простором плоской равнины. Радио в машине не звучало. Не было и сверок с картой. Куда ехать, ему было все равно, а по-тому о своем местонахождении он не заботился. Просто ехал — и все.

Сна практически не было, если не считать коротких и прерывистых минут полузабытья на водительском сиденье — на это время машина загонялась за брошен-ные сельские строения или на стоянки мелких провин-циальных контор, до открытия которых на момент его

отчаливания оставалось еще несколько часов. Со времени отъезда из места, которое он некогда считал своим домом, его еду составляли лишь чипсы из пакетов да пыльная смесь из сухофруктов с орехами, что продается на заправках. Голова была призрачно-легкой от голода, но еда не лезла в глотку. Он был изможден, но не мог спать, он весь был одной-единственной мыслью в мозгу и утратил способность управлять происходящим. Этой мысли необходимо было куда-то следовать, направляться из одной точки в другую, однако ее полет сам по себе еще не означал, что у нее есть пункт назначения. Такой полет мысли лишь вопит о необходимости находиться где-то в другом месте, не там, где ты находишься сейчас.

Надо остановиться. Ехать тоже надо, но сначала все же остановиться.

На третьи сутки, в начале пятого, машина миновала указатель какого-то мотеля впереди по автостраде. В тех частях страны, где можно ехать милю за милей, час за часом, а вокруг будет все тот же унылый и голый простор, где не на чем и взгляд остановить, великий дух предпринимательства в своей обычной манере заблаговременно озаботился с большим и неоднократным опережением оповещать проезжих, что, быть может, стоит призадуматься и поглядеть на часы: а не пора ли остановиться на ночлег? Этих указателей водитель, не замечая, проехал уже несколько. Внимание он обратил лишь на рекламный щит, что стоял здесь, должно быть, уже лет сорок, не меньше — с тех еще пор, когда пределом мечтаний для отпускников была поездка по стране. На щите изображался типичный мотель семейного типа с каким-то заманчиво-иностранным названием. До самого мотеля все еще оставалось с полсотни километров.

Покачав головой, он обернулся и посмотрел на дорогу, но уже понял, что делает там привал. Сколько уже можно по жизни отказывать себе то в одном, то в другом, особенно последнее время!

От них он уже и так ушел, оторвался.

Спустя полчаса он припарковался у одноэтажного строения, что литерой «L» тянулось вдоль короткого

асфальтового ответвления от магистрали. Судя по отсутствию машин возле номеров, постояльцев здесь не было вообще. Только окна ресепшена теплились тускловатым светом. На звон дверного колокольчика из примыкающей комнаты вышел старик, глазам которого предстал посетитель из разряда тех, что в одиночку неведомо зачем кочуют по богом забытым мотелям у черта на куличках. Сам этот старик любопытством не отличался, а с той поры, как три года назад он схоронил жену, ему и вовсе все стало трын-трава. Получив наличными оплату за одну ночь, он выдал постояльцу ключ — настоящий, металлический, не какую-нибудь там карточку с магнитной полосой, что нынче в ходу везде и всюду. *Действительный* ключ, которым открывается лишь одна комната и никакая другая. Постоялец поглядел на эту вещь с успокоением, пытаясь припомнить, запер ли он при отъезде дверь в собственном доме. Четкой уверенности у него не было. Да и что уж теперь... Хозяина он спросил, где здесь ближе всего можно перекусить. Старик указал вверх по дороге. Тогда гость сгреб со стойки целую горсть плоских спичечных коробков с эмблемой мотеля и направился обратно к машине.

Километрах в двадцати он обнаружил магазинчик, примыкающий к заправке буквально в две колонки. Из еды здесь толком ничего не было, но зато было что выпить и закурить. Возвратившись к мотелю, он поставил свой автомобиль возле двери с цифрой 9. Других машин на парковке не было. День уже угас.

Номер представлял собой аскетичный прямоугольник пространства с двумя двуспальными кроватями и допотопного вида телевизором. Заперев дверь на ключ и задвижку, гость стал пододвигать ближнюю кровать ко входу. Кровать, как оказалось, была снабжена устройством для вибромассажа: само устройство теперь не работало, а вот полцентнера лишнего веса от него осталось. На то, чтобы перегородить ею вход, ушло десять минут времени и весь остаток сил. Еще один элемент комфорта — ржавый обогреватель — при включении затарахтел,

как трактор, но постепенно начал пускаться в промозглой комнате ручейки тепла.

Постоялец улегся на другой кровати. Пальто он снимать не стал — так в нем и лежал, уставившись в потолок. Спустя какое-то время он открыл купленную в магазинчике бутылку. Закурил. Сигареты под выпивку шли одна за другой, благо прихваченных коробков со спичками хватало. Лицо мужчины было мокрым.

Он плакал от истощения. Плакал от того, что голову саднит тупая боль. От отвращения к себе, которое сейчас пронизывало каждую клеточку его тела, — как те мнимые клещи, что сводят с ума сторчавшихся метамфетаминщиков. Как тот коллапс нервных окончаний, ощущающийся роем буравящих кожу насекомых. Буравящих так нестерпимо, что наркоман начинает ее чесать, яростно царапать, иступленно драть, пока руки и лицо бедняги не превращаются в кровавую коросту, выставляя его мучения напоказ.

Впрочем, у этого человека до столь явных мучений дело еще не дошло. Свою драму он пока читал про себя. А с виду смотрелся вполне нормально. Посторонний увидел бы перед собой упитанного мужчину на четвертом десятке, который, основательно нализавшись, лежит сейчас на кровати в убогом мотеле и время от времени слезливо шмыгает носом.

Однако мысленно он рыдал. И в этом даже было нечто возвышенное. Что-то от героя, одинокого и потерянного.

В какой-то момент он, вздрогнув, пробудился от сна, который нельзя было назвать сном в полном смысле этого слова. После отъезда из дома эти наваждения случались с ним все чаще: вот так, внезапным толчком, он выходил из густого обморочного забытья, в котором неотступно клубились какие-то тени, — вернее, не *какие-то*, а его собственные воспоминания. Словно темные лохматые своды колыхались там, где, казалось бы, место затылку, но теперь они проседают, плаваются под нажатием какой-то жаркой потной длани, что уже давно их трет и скоро протрет насквозь. Такое вот ощущение. И ум здесь был уже бессилен что-либо сделать. Он сам с ие-

зуитской услужливостью подавал образы, которые воспринимали глаза или чувствовали ощупью пальцы. Ум размышлял о происшедшем независимо от него самого.

Лгать себе было бессмысленно. Непричастным, а уж тем более невиновным ему уже не бывать. О происшедшем он знал. В одиночку он, может, этого бы и не сделал, но содеянного это не отменяет. Содеянного *им*. Самим.

Предлагал все это тот, другой, но делал-то *он*. И так было всегда.

Это он ждал, прощупывая взглядом темные проулки, окольные бары и автостоянки в городке, который когда-то считал своим. Он складывал мышцы лица в подобие улыбок, пользуясь ими как отмычками. Он выбирал приветливые слова и фразы, внушающие доверие и обаяние. А тот, другой, складывал из них предложения, которые ему надлежало произносить вслух. Именно тот, другой, прикидывал, какой прием сработает вернее, выискивал лучшие способы и высыпал раскрошенную таблетку в заранее приготовленное питье, предлагая его непринужденно, ненавязчиво — мол, что в этом такого — и ах! что за совпадение, оно сейчас тебе как нельзя более по вкусу.

Тот, другой, придумывал игры, в которые он играл со своей гостьей, покуда ту не охватывал вдруг страх, какой бы пьяной и обкуренной она при этом ни была. Кто тогда впервые занес его руку для удара? Теперь уж и не скажешь. Да и какая разница после той долгой, нескончаемой их череды, что последовала за первым случаем?

Все, что ему оставалось, это идти следом не то на поводу, не то на привязи. Вот так и дошел. Докатился. И ведь правда: чем больше подпадаешь под чужую волю, тем сильнее сам ее подпитываешь. Идешь следом, но при этом как бы впереди. Так можно зайти далеко. Даже слишком.

Волочиться до самого ада.

Он потерял глаза, избавляясь от въедливых осколков памяти, и сел. При этом обнаружилось, что тот, другой, сидит сейчас рядом в кресле. Симпатичный, неизменно ухоженный, презентабельный во всех отношениях. Сильный. Сидит и держит один из тех спичечных коробков, вертит его в пальцах.

— Я больше не хочу этим заниматься, — промямлил тот, что сидел на кровати.

— Хочешь, хочешь, — проницательно возразил тот, что устроился в кресле. — Просто тебе не нравится тащить этот воз одному. Поэтому у тебя есть я. Мы с тобой — одна упряжка. Команда из двух товарищей.

— Все. Ты мне больше не товарищ.

— Вот как? Может, еще отхлебнешь? Полегчает.

Вопреки своему желанию тот, что на кровати, слепо ухватил бутылку водки и поднес ее к губам. Он почти всегда делал то, что говорил ему тот, другой. У бутылки вместо одного горлышка было теперь два. Видимо, опьянение растеклось по его телу во время дремоты, и он чувствовал себя гораздо пьянее прежнего. А потому хоть пей, хоть не пей, теперь все едино.

— Ты оставил след, — с укором сказал тот, другой. — Это ты специально?

— Нет, конечно, — ответил тот, что на кровати, сам не очень веря себе.

— Завтра они перевернут дом вверх дном. Ну, максимум послезавтра.

— Я все подчистил.

— Что-нибудь да найдут. И пустятся по следу. В конце концов они тебя разыщут, где бы ты ни бегал, — холодно поглядел тот, который в кресле. — Ты облажался, Эдвард. Опять. Как всегда. Прямо-таки не можешь без лажи.

Тот, что на кровати, ощутил тошнотный страх, голова его закружилась от вины и вместе с тем от облегчения. Если его поймут, значит, ему больше этого не сделать. И не возвращаться вечер за вечером в один и тот же китайский ресторан, и не сидеть там с тлеющей надеждой, что на него хотя бы раз, хотя бы мельком поглядит еще один посетитель — точнее, посетительница: молодая незамужняя женщина, что работает через улицу в банке, а сюда иной раз заходит перекусить в конце рабочего дня, причем заходит с досадной, с ума сводящей непредсказуемостью. И не узнать постепенно, где она живет — одна — и куда ходит на фит-

нес, где и когда покупает продукты, причем в корзинке у нее на выходе всегда оказывается, как минимум, одна бутылка вина.

Тот, что на кровати, неопределенно пожал плечами, то ли огорчаясь, то ли радуясь тому, что этого больше никогда не произойдет, хотя и понятно, что каждый момент всего этого жгуче распалает кровь и что такие вот женщины есть и в других городках, если он только решит ехать по этой автостраде дальше.

— Поймают меня — поймают и тебя, — пробормотал он.

— Я знаю, — ответил тот, что в кресле. Он открыл коробок и, пошуршав, вынул оттуда спичку, которую неловко, со второй попытки зажег.

Тот, что на кровати, обнаружил — увы, поздновато, — что его спутник успел горкой сложить коробки на покрывале кровати, которая сейчас подпирала дверь. Покрывало на ней было старым и, по-видимому, легко воспламеняемым. Очень легко.

— В тюрьму я не собираюсь, — сказал тот, другой, поднимаясь с кресла. — По мне, так лучше умереть здесь.

И он бросил горящую спичку на горку из коробков.

Все происходило как во сне. У человека на кровати, звали которого Эдвард Лэйк, времени спастись было в обрез. Его развезло настолько, что отодвинуть тяжеленную кровать от двери он бы просто не смог. По этой же причине он не мог и сообразить, что молчание телефона на прикроватной тумбочке вызвано тем, что тот, другой, во время забытья Эдварда выдернул из розетки шнур.

К тому моменту, когда он наконец завозился, пробраться мимо огня к окну уже не получалось. Он был слишком ошеломлен происходящим, и правда состояла в том, что единственно реальной и значимой вещью, совершенной Лэйком за всю его жизнь, было убийство женщины, после которого ехать дальше особо и некуда. А потому возможно, что где-то в своей сокровенной глубине он на самом деле хотел одного: умереть.

На то, как догорает его бывший товарищ, тот, другой, взирал с парковки. Момент смерти Эдварда он ощутил буквально физически и несказанно удивился тому, что произошло следом.

Смерть девушки там, в доме, резанула болью. Но это... это было что-то совершенно иное. Под стать другому измерению.

Он чувствовал в себе преобразование, глубинную перемену, дающую понять, что теперь он свободен от навязчивого преследования, пусть даже они с Эдвардом шли по жизни из начала в конец бок о бок и рука об руку.

Те, кто ходит в одиночку, передвигаются быстрее. Так что настало время для новых горизонтов и более масштабных целей.

Теперь все пойдет прекрасно.

Чтобы отложить данное событие в памяти, он глянул на вывеску мотеля — сейчас она полыхала вместе со своим хозяином и всем строением, из окон которого рвались красные гудящие языки пламени. В этот миг он нарек себя иным именем. А затем повернулся к зареву спиной и пошагал вверх по дороге, с упоением ощущая в ночи, как плотно прилегает к его подошвам земля.

Однако даже при наличии у него недюжинной воли путь выдался долгим и утомительным. Рассвет застал его изнеможенно сидящим у обочины шоссе. Какой-то проезжий коммивояжер, который из-за дурного сна поднялся раньше обычного, а потому обладал запасом времени, остановился и из сострадания согласился его подвезти. Вполне сознавая, чем может обернуться встреча с наблюдательным незнакомцем, бывший спутник Эдварда сел на заднее сиденье с ядовитым хвостиком улыбки на губах.

Проехав около сотни километров, коммивояжер поглядел в зеркальце заднего вида и увидел, что пассажир спит. В этот редкий момент беззащитности лицо его было бледным и осунувшимся.

Но все это события пятилетней давности.

Сейчас он не в пример крепче.

Часть 1

Поражает количество людей, которые думают в одиночестве, поют одни, едят одни или разговаривают сами с собой на улицах. Они, тем не менее, никак не пытаются объединиться¹.

Жан Бодрийяр
«Америка»

Глава 1

День намечался чудесный — вот так взять его, сфоткать и поместить в рамочку, выложить на Фейсбуке и в Твиттере! Послеполуденная пора, сохраненная в альбоме образов, подаренных на добрую память, к которым затем возвращаешься в грезах, по прошествии лет все более ностальгических. Усохшие цветки из гербария жизни, которые мы в соответствующий день и час предьявляем богу или его привратнику в доказательство, что достойны войти в рай и не зря небо коптили.

Это должен был быть как раз один из таких дней.

И до последнего момента он таковым и являлся.

На Пенн-стейшн они прибыли в начале одиннадцатого, тем сквозисто-дымчатым осенним утром, когда на солнце тепло, а в тени небоскребов прохладно, когда весь город щегольски вышагивает с высоко поднятой головой — на работу, на утренний кофе и деловые завтраки. Город идет с легким вихлянием, как будто ему за ночь слегка развинтили шарниры. В Нью-Йорк Дэвид приехал не ротозеем и не ностальгирующим экскурсантом, а на встречу, за которой следовал бизнес-ланч — Ланч-Легенда, которую люди, сладко обмирая сердцем, мысленно живописуют себе во всех деталях: это предвкушение, которое, можно сказать, подпитывает им силы все

---

¹Перевод Д. Калугина.